

Пирожки с картошкой (модус вивенди)

(Рассказ в двух ипостасях)

1

С раннего утра еще в потемках деревня зашевелилась, а может и не спала вовсе. В каждом домишке по-своему готовились ехать на полустанок, где ровно в четыре часа подадут теплушку для новобранцев. Об этом только и плакали бабы в суетных сумерках, вертясь с ухватами перед печками. В единственный «командный пункт» - контору, через колхозный телефон поступил вчерась хриплый приказ из военкомата.

– Явиться всем лицам мужского пола, кроме стариков, с вещами: кружка, ложка, котелок. На ноги – портянки. Старший должен передать список прибывших. За неявку – под суд. Все.

Дед Ефим на «толкушке», так он называл свой осиновый самодел – деревянный «ерманский» протез, уже крутился вокруг телеги, выносил шлею и дугу. Кинул клоч сена. Пнул ногой тощую курицу и вывел старую лошадь.

– Но-те, едрона-матрона.

Та шла, шаркая по земле оплывшими ногами и волоча солому, нехотя мотала головой в перевернутом хомуте.

Бабы истово молились у икон, зацелованные ввечеру девки виновато возились у печек, а парни долеживали свой невоенный срок, ухватывали часок после гулянки, досыпали на пахнувших вениками и детством родных сеновалах. Это блаженство да с собой бы взять.... Но где-то уже заиграла похмельная гармошка и кто-то вывел в лихоимных сумерках,

- Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...

Со скрипом прибывали колхозные подводы из других деревень, здоровкались и перекуривали на дорожку парни-одногодки. До полустанка – версты четыре. Гужевой транспорт по таким-то ухабам надежней «железки». По извилистой и разбитой лесной дороге потянулась шумная вереница подвод. В один стон заголосили бабы, и долго над уходящим лесом, в белом сыром тумане, стоял их, режущий душу, общий поминальный плач.

Низкое тесовое сооружение, потемневшее от дождей и копоты, мутным пятном на фоне светлеющего неба выплыло из сумерек. Ветер посвистывал в проводах и чердачных окнах полустанка. Дощатый настил бухал в потемках под глухими ударами колес. Будка туалета и коновязь у грузовой платформы, закиданная конскими мячиками – вот и вся стратегическая диспозиция станции, где из колхозов принимались госпоставки сена, бревен, лыка, зерна и других сборов, к ним относились и людские резервы на войну. Постепенно весь пункт заполнился людьми, телегами и собаками. Рассвело. Люди жалась друг к дружке, мужики выпивали походнячка. Тянули под гармошку частушки. Парни напоследок обнимали своих подружек, лишь только Зинка, соседка Ивана, скокуркалась в дедовой телеге, мотала тощими ногами в грязных ботинках, изредка поглядывая на Ивана своими светлыми глазами

из-под платочка. Шевелила локоны красивых светлых волос, не смела слова сказать.

- Да насколько же ты уедешь-то, Вань? - жалобно, наконец, вытянула Зинка. – Ты это... Пиши-и. А?

- Насколько, насколько. Без году неделя, а там как получится. Вот так-то, Зинка-корзинка.

- На войну – не к тетке в гости, - говорил дед Ефим, попыхивая самокруткой.

- Кто-кто, а мы-то ерманца того, как его, знаем. Я, брат, вот эту плясовину оттелева привез, едрона-матрона... Не болит, холера. Хлопал дед по деревяшке. – А ерманец без собираньев и запасов – ён нападать не станет. Больше у него машин, вот ведь. А мы вот опять на пердячем паре... Н-ну, кудыть тебе.

И долго рассказывал старую свою историю, как воевал с германцами, как одевал на морду лошади резиновое ведро-противогаз, как слепо бежал в паническом ужасе от газов.

- А ноне поменялись циферками на конце года, и скатилась со счастья вожжа. Энта стежка давно уже на бабьих слезах замешана, жидкая, - бурчал дед на дорогу. - Меня в ерманскую жена-покоенка провожала здесь и следом ревмя бежала.... Я ить и в эту войну пригодился бы, да не берут. А что, вот ранят, а мне и не больно, - дед лихо хлопал по своей «толкушке». - Даже не чешется.... Вот, где они у нас, - и дед Ефим провел большим, желтым, с коричневым загаром пальцем у себя под кадыком. - Ну, Иван, давай служи, нас не подведи и поминай. Себя береги... Ты того, как его, ну, прощай, что ли...

К полустанку от леса тяжело подползал паровоз с четырьмя теплушками. Вокруг все зашевелилось и задержалось. Что-то кричал молодой лейтенантик в новенькой гимнастерке и ремнях, но, главное, на зависть молодым, в новых лайковых офицерских сапогах. И тут налетело сверху что-то непонятное грозное и визжачее... На небе мелькнули две черные тени.

- Вё-ё-здух! – протяжно, надрывно по-женски, пропел лейтенантик, неумело расстегивая кобуру. Новобранцы бросились к теплушкам, мухами облепили бамперы, цеплялись, кто за что может. Иван схватил Зинку в охапку и силой затолкал под вагон. Над ними с грохотом и визгом дернулся состав, и с воем и свистом пронеслись черные тени. На их глазах падали люди, опрокидывались телеги, дед вертелся на «толкушке» по кругу, натягивая вожжи бьющейся ошалелой лошади. Иван втиснул Зинку в провал между шпалами и плюхнулся на нее сверху. Она пискнула мышонком, забила в щель, в грязный от мазута щебень. Над ними грохотала, свистела и лязгала металлом война, а перед лицом из-под дороги выползло большое черное густое пятно мазута, оно, как страшный осьминог, выползло, хлопало под шпалами, шипело и снова уползло в землю. Поверх брызгами кропила чья-то кровь... Зинка в упор, безотрывно, как замороженная с испугом глазела на это живое пятнистое существо...

Состав резко дернулся в обратную сторону и снова с грохотом рванул попятную.

И тут гул в небе стал удаляться... - А я ведь тебя провожаю, Ваня, - вдруг робко сказала Зинка и закрыла глаза. - Я только целоваться не умею. Вчерась твоя мамка приходила и просила тебя проводить...

- Тоже мне, провожака...

- А я тебе, Вань, пирожков напекла, - гундосила Зинка.

На опустевшей платформе остались лежать перевернутые телеги, мешки и остатки скарба. А за канавой в багульнике лежал, не двигаясь, офицерик, новенькая гимнастерка которого была залита кровью.

Состав все рвал то назад, то вперед, гремел металлом буферов и сцепов. Раненый машинист уводил его в лес. Прощально гуднул паровоз и так же сдавлено ответило эхо.

Зинка бежала и бежала следом за теплушками, как собачонка, бессмысленно и нелепо и что-то кричала, а Иван лежал на последнем бампере и страшно жалел ее. Вдруг состав снова резко встал. Грязным лицом, с мокрыми от слез васильковыми глазами, она ткнулась Ивану в лицо. Это и был их прощальный поцелуй. Прощальный на семь лет.

- Там пирожки, я напекла в дорогу, - прокричала она и бросила ему мешок ...

2

Больничный модус вивенди¹ – способ существования от койки к туалету, от мисок до баночек с анализами на фоне стойкого запаха хлорки, да еще и двухдневное голодание перед операцией, доводило деда.

- Не есть да не пить, так и святым можно стать, на иконах нарисуют, - бурчал он, но терпел. Предстояла операция «раскулачивания» - удаление «полудрагоценных камней».

Знакомство наше состоялось как-то само собой, по-соседски. Держался он геройски – не унывал, и мы помогали друг дружке, чем могли.

- Тельник и тот приказали снять, да еще голодом держат – ворчал дед. Что им тельник-то помешал. Он у меня чище их «смерительных» рубашек. Не зря отделение мужики называют «Прощай, родина»...

Вообще, в разговорах его сразу же раскрылся флотский простой диалект. Камбуз, гальюн, кубрик № 5 (палата), бак... Полундра! Подставляй корму... Перед очередным уколом дед смешно оглашал,

– Полундра, оголить левый полубак! - и приспускал штаны. – Опять торпеда... Всю корму в решето продырявили...

На мой разговор (для затравки темы в беседе) о Валентине Пикуле, он сразу оживился, как будто у него перехватило дыхание, вдохнул на секунду, чтобы набрать воздуха, как водолаз перед нырком.

---

¹ лат. modus vivendi - образ жизни, способ существования

– Это мой лучший друг. - Весь его вид внушал мне: и не говори ничего. Дескать, эта тема моя и баста...

- Ему бы в Псков, сюда, переехать, он ведь жил здесь, бабка его отсюда родом... Его нечистая сила² сгубила, - вдруг, авторитетно заключил дед. - Не свяжись с ней, сейчас писал бы да писал.

- С кем, с ней?

- С нечистой силой. Она и теперь живет и наращивает мощи.

Больничным модус вивенди продолжался. За окном пролетали, кружа, вместе со снежинками, опавшие листья запоздалой осени.

В его кратких рассказах просматривалось морское прошлое, пережитое. Но как понимать его слова о снайперах. На мой вопрос он извлек из тумбочки старую фотографию.

- Вот он – я. В сорок пятом. На пузе всю Европу пропахал. Это я в Праге.

На снимке смеющийся крепкий парень в армейской шапке, на гимнастерке две сверкающие победным майским солнцем медали. Иван Панфилыч рассказывал, как их, новобранцев, бомбили на станции, как они со страху в поезде съели мешок Зинкиных пирожков, как стал снайпером – тогда очень пригодились довоенное увлечение охотой, как уложил первого фрица, как пулей попал в бак вражеского транспортёра. Вспоминал, как приходилось партизанить в лесах Белоруссии, где иногда часами приходилось лежать неподвижно в засадах и как «пересидел и снял» немецкого снайпера. На войне посчастливилось встретить двоюродного брата, который годом позже «потерялся без вести»...

Дед Иван только что отошел от наркоза и вдруг зычно и вполне бодро пропел на всю больничную палату.

- Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела...

- Молодец, дед! - говорили выдавшие виды санитарки. Они только что с трудом перевалили грузное тело деда все в морских наколках, как корпус старого корабля со стапелей после ремонта в заклепках-пластырях, из тележки на кровать. Вместо чалки³ – резиновая трубка «зондер». - Жить будешь!

-А я ведь живого Сталина видел, вот как тебя, только подальше, - интересно рассказывал он мне уже на следующий день после операции другую морскую историю.

- Как-то объявили нам: «Кто во флот желает добровольцами служить на кораблях?». А как только прибавили – на Черном море, так захотелось южное море посмотреть.

– Сдал я свою старушку-винтовочку, пристреляна была – сама в яблочко попадала. На прикладе много царапин осталось, как и на сердце. Записались мы с ребятами в военморфлот на четыре года. И попал я на

---

² роман В. Пикуля «Нечистая сила» окончен в 1989г., автор умер в 1990г.

³ Чалка - причальный канат

крейсер «Молотов», туда брали только участников войны, награжденных медалями. Всего не расскажешь...

Объявили однажды, что корабль посетит сам товарищ Сталин. Вот, полундра-то началась! Неделю днем и ночью драили все палубы и надстройки, вахты одна за другой, беготню по трапам исполняли как чечетку. До идеального блеска надо доводить латунные валы. Чтобы их драить, садились задом на вращающийся латунный шкив. Роба, как шкурка мелкой насечки, доводила поверхность до зеркального вида. Сидишь и греешь «корму», а заодно и «работаешь». Голь на выдумку хитра. Но уж, если боцман заметит, переведет этажом пониже – в галюн, тоже драить до блеска. В тот день на верхней палубе - столпотворение невиданное, не протолкнуться, всем хочется хоть издали взглянуть на Сталина, хоть одним глазком. Я лечу по трапу с биноклем, и с ящиком, - взял его в хозкубрике, чтобы на него встать повыше. Навстречу лейтенант незнакомый, но в морском параде, не наш.

- Стой, покажи, что несешь. Открой. Показывай.

Только потом до меня дошло, случись в ящике хоть один патрон или еще чего, дослуживал бы я на Магадане. А Сталина всё же рассмотрел, хоть и издали. Он был в парадном сером мундире с большими звездами и в брюках с ботинками, не в сапогах, а Косыгин рядом – в штатском костюме и в белых ботинках. А вокруг начальства нашего и не нашего - тьма, кинокамеры были, фотографы.... Рассмотрел я их хорошо, ящик пригодился.

- Ну что, по пирожку? Лихо подмигнул дед.

- Так ведь не дают. Преданализный голодомор.

- Вот и я говорю, что не дают, - говорил дед, извлекая из тумбочки домашние пирожки. - На, угощайся. Я тут нелегальный трафик наладил, Зинка еще притащит.

Ее теплые домашние пирожки с поджаренной с лучком картошкой прошли, что надо. Я лежал, смотрел в потолок палаты и всем нутром осознавал, что по-прав-ля-юсь! Нет, не надо никаких уколов и пилюль. Вот это да-а-а!

- Вон, сидит... Сейчас отдохнет и пойдет на остановку автобуса... Семь лет ждала и теперь ходит ко мне, ждет..., - дрогнувшим тихим голосом проговорил дед Иван, глядя в окно.

На скамейке перед окнами больницы сидела сухонькая старушка с сумочкой. Листья кленов вперемешку со снежной крупкой тихо кружили возле ее ног зимний вальс.

Ю.Турандин 2012. Псков.